

Дата/время: 07.05 10:15

Передача: Музейные палаты

Гости: Шестаков Сергей

Ведущие: Ларина Ксения, Олевский Тимур

Тема: **Выставка "Чернобыль. 25 лет спустя" в Мультимедиа Арт Музее**

Полный текст

К. ЛАРИНА: Начинаем программу «Музейные палаты». Сегодня мой партнер по эфиру Стас Анисимов. Стас, приветствую тебя.

С. АНИСИМОВ: Привет, привет.

К. ЛАРИНА: Мы сегодня говорим о выставке, которая открылась в Мультимедиа Арт Музее. Это Дом фотографии, по-моему, так?

С. АНИСИМОВ: Да, да...

К. ЛАРИНА: Так мы привыкли его называть, да?

С. АНИСИМОВ: ... отремонтированный Дом фотографии...

К. ЛАРИНА: Новенький.

С. АНИСИМОВ: ... шикарный...

К. ЛАРИНА: Там, где Президент встречался с представителями современного...

С. АНИСИМОВ: Да, да.

К. ЛАРИНА: ... искусства, президент Медведев. В студии у нас Сергей Шестаков, фотограф. Здравствуйте, Сергей.

С. ШЕСТАКОВ: Здравствуйте.

К. ЛАРИНА: А выставка называется «Чернобыль. 25 лет спустя». Ну, перед тем как начать нашу радиоэкскурсию, мы по традиции вам вопросы задаем и предлагаем вам призы.

С. АНИСИМОВ: Да, сегодня три вопроса и, соответственно, призы у нас следующие: это две книги «Россия. XX век в фотографиях» и пять билетов, в общем-то, на выставку. Вопросы следующие. Они не очень сложные, но, в общем... Кто написал симфонию для органа под названием «Чернобыль»? Второй вопрос. Скажите, один из первых отечественных художественных фильмов о чернобыльской трагедии, как он назывался? Он был сделан на материале событий, произошедших в апреле 1986-го года на

Чернобыльской АЭС, и в главной роли в этом фильме снялся Сергей Шакуров. Фильм вышел в 1990-м году. Вот нужно назвать название этого фильма. И последний вопрос – это... как раз актуальный. В этом году в ограниченный прокат вышел фильм «В субботу» - назовите имя его режиссера. К. ЛАРИНА: Ну, вот, собственно, наши вопросы, напомню, куда писать ответы: +7-985-970-45-45. Перед тем как предоставить слово нашему гостю, может быть, Стас несколько слов скажет, поскольку побывал...

С. АНИСИМОВ: Да...

К. ЛАРИНА: ... на этой выставке.

С. АНИСИМОВ: ... выставка, конечно, действительно очень сильное на меня произвела впечатление. Как раз мы перед эфиром общались. Опустошение вот того, что когда-то было жилым пространством, конечно, эти совершенно жутковатые... парк развлечений, который уже весь проржавел, куклы, книжки детские, да? То есть, все это разбросано. И действительно уже начинаешь думать как-то о дне сегодняшнем. Учитывая, что вот смотришь постоянно новости и видишь то, что происходит вот не так уж и далеко, это, конечно, очень сильно актуализирует. И люди, с которыми я там общался, на этой выставке, они тоже действительно под большим впечатлением, ну, которое, в общем-то, конечно же, разное: от того, что вот нам хотелось бы туда съездить и посмотреть, как это все выглядит на самом деле, потому что действительно, конечно, заброшенный город... до, в общем-то, действительно такого ужаса от дня сегодняшнего.

К. ЛАРИНА: Я так поняла, что Сергей – один из участников этого проекта, там несколько есть авторов, да, в этой выставке?

С. ШЕСТАКОВ: Там несколько авторов. Мною были представлены мои работы фотографические плюс два фильма и музыкальное сопровождение.

К. ЛАРИНА: А это вы сами все это выстраивали, вот как бы композиционно эту выставку, свою, вот свою часть, да?

С. ШЕСТАКОВ: Да.

К. ЛАРИНА: Скажите пожалуйста, когда вы там побывали, вообще вот эти фотографии, они... в какое время вы их делали, ваши работы?

С. ШЕСТАКОВ: Они были сняты в прошлом году, в октябре и в ноябре месяце, я был там дважды.

К. ЛАРИНА: Ну, расскажите. Это плановая ваша поездка была, вы хотели это сделать?

С. ШЕСТАКОВ: Ну, это... вообще Чернобыль является первым пунктом большого проекта, проекта-послания, потому что его название «Поездка в будущее», да, собственно говоря, показывает и говорит о том, что хотелось бы этим проектом человечеству сказать. Потому что если вы понимаете, обращаете внимание на те события, которые происходят, то, мне кажется, что мы как люди, как человечество идем не в том направлении. Вот, например, та же самая Фукусима, которая произошла в марте, да, там, авария на...

К. ЛАРИНА: В Японии.

С. ШЕСТАКОВ: В Японии. Ведь она же была построена раньше, чем Чернобыль. И что? Произошла авария в Чернобыле, что-то... это научило японцев? Нет, вот видите, только сейчас, когда у них случилась такая же трагедия...

К. ЛАРИНА: Ну, там все-таки было стихийное бедствие. Тут-то у нас все-таки была именно катастрофа, связанная с самой станцией, а тут-то, смотрите, какое количество привнесенных обстоятельств: и землетрясение, и цунами.

С. ШЕСТАКОВ: Ну, тем не менее, там та же самая... электричество, которое должно было быть подано автономно, оно у них почему-то не сработало. Почему?

К. ЛАРИНА: То есть, я так понимаю, главный смысл – такое напоминание, напомнить, чем все это может кончиться.

С. ШЕСТАКОВ: Чем все может кончиться, да, куда мы движемся. Потому что иначе мы просто можем закончить тем, что наши внуки, правнуки могут жить просто в каких-то бомбоубежищах, условно говоря.

С. АНИСИМОВ: Да, а подробнее вот о вашем большом этом проекте все-таки? Вот который будет состоять из нескольких частей, да? Вот то, что вы...

К. ЛАРИНА: «Поездка в будущее», да?

С. ШЕСТАКОВ: Да. Он будет состоять из, наверное, восьми-десяти частей. Просто Чернобыль оказался первым пунктом. Потом я, кстати, должен был ехать в марте месяце в Японию, как ни странно, но вот события Фукусимы, они, конечно, планы поменяли. А снимать я должен был, конечно, не Фукусиму, снимать я должен был остров, он называется Ганкаджима. В свое время это было самое населенное место в мире. Там жило 50 тысяч человек, и они, японцы, добывали уголь в этом городе, на этом острове. И когда уголь закончился, просто все собрались и уехали. И проект заключается в том, чтобы показать те места, которые люди покинули по разным причинам. То есть, ну, Чернобыль – понятно, это техногенная катастрофа. Где-то вот, как вот в Японии, на этом острове, просто использовали природные ресурсы и бросили, уехали. Есть город, в котором люди не живут, хотя он курортный, потому что он попал в нейтральную зону между оккупированной частью Кипра и не оккупированной. Тоже люди не живут – вот военные действия. Есть, например, город в Америке, в котором... не знаю, кто придумал: взяли и, вместо того чтобы утилизировать мусор, его сбросили в шахты отработанные угольные и подожгли. Вот 25 лет этот мусор вместе с углем так и горит, и жить там невозможно, потому что температура земли там 50 или 60 градусов. То есть, видите, есть разные места, в которых люди были и в которых сейчас они не живут по разным причинам. И если бы посмотреть на эти места... просто мы как бы живем в Москве или в крупных городах, мы не замечаем, нам кажется, что все хорошо, все отлично. А я когда бываю в таких местах, я вижу, как природа наступает на человечество. Если мы раньше всегда... мы как бы, да?..

К. ЛАРИНА: Человек – хозяин природы...

С. ШЕСТАКОВ: Человек – хозяин, да, как король. А на самом деле-то не так. Мы часть Вселенной, часть этой природы. Причем, если посмотреть глобально, то незначительная. И сейчас природа на самом деле на нас наступает.

К. ЛАРИНА: Как мстит.

С. ШЕСТАКОВ: Да. Я вот вижу города, в которых уже люди не живут, а по улицам ходят животные, птицы живут в многоэтажных домах, как в скворечниках, понимаете? Там становится страшно. Если в том же Чернобыле за 25 лет на месте того же стадиона вырос уже лес, понимаете? Там 15-метровые деревья. И которые... деревья пробиваются и сквозь асфальт, и сквозь мраморные ступени. Просто становится, ну, страшно за нас за всех...

К. ЛАРИНА: А вот скажите, Сергей, вот по поводу Чернобыля. Вы туда ездили один или какая-то группа была?

С. ШЕСТАКОВ: Один.

К. ЛАРИНА: То есть, там настолько все открыто? Можно... или нужно брать какие-то разрешения, для того чтобы такую устроить фотосессию, такой репортаж снять?

С. ШЕСТАКОВ: Зона закрытая, значит, попасть туда можно по спецразрешению. Причем когда его получаешь, тебе вписывают те места в этой зоне, в которые ты можешь попасть, потому что не везде есть доступ. И, соответственно, там есть... чтобы проехать, например, в Припять, надо проехать три КПП. То есть, это первый КПП – это 30-километровая зона, внутри нее находится Чернобыль. Мы почему-то все время говорим про Чернобыль, на самом деле Чернобыль меньше пострадал, чем Припять. То есть, в Чернобыле сейчас живут люди, которые занимаются строительством второго саркофага. Дальше идет зона 10-километровая – опять КПП. И потом уже в Припяти еще свой отдельный КПП. То есть, чтобы попасть в Припять, надо проехать три КПП.

К. ЛАРИНА: Ну, и как далеко вы заехали?

С. ШЕСТАКОВ: Ну... (смеется)

К. ЛАРИНА: В самое-самое?..

С. ШЕСТАКОВ: В самое-самое, да, в сердце, да.

К. ЛАРИНА: Ну, расскажите, что там вас особенно поразило вот в этом районе... в этом регионе?

С. ШЕСТАКОВ: Ну, вот, конечно, больше всего поражает именно Припять, потому что это город с 50-тысячным населением, то есть, это достаточно большой город, причем он был в то время, наверно, один из лучших городов вообще России, ну, СССР. И многие люди, вот я разговаривал с кем, кто ликвидаторы, кто жил там в то время, они все говорили, что они туда стремились, потому что это был современный город, там жили высокообразованные люди, которые работали на станции. И вот те кадры в фильме документальном, которые были сделаны тогда, в то вот время, до, скажем, аварии, показывают о том, что там была очень хорошая какая-то такая жизнь. И вот один из моих знакомых, он был именно оператором в этот день, в эту ночь как раз, когда случилась эта авария, вот он рассказывал, говорит: «Мы жили, мы считали, что лучше, чем в Москве, потому что у нас и река, у меня был катер, мы ездили за грибами, на рыбалку. Из Киева ходила ракета на подводных крыльях». То есть...

К. ЛАРИНА: А это, кстати, был закрытый город вот тогда, когда Чернобыльская АЭС работала? Или нет?

С. ШЕСТАКОВ: Нет.

К. ЛАРИНА: Нет? Открытый, да?

С. ШЕСТАКОВ: Да. И поэтому, конечно, людей, которые вот пережили все это, это был... страшная трагедия, потому что они вот так вот жили хорошо, да, и потом это все мгновенно кончилось. Ведь получается, что за три дня вывезли 50 тысяч человек. Вот. И был разговор, кстати, о том...

К. ЛАРИНА: То есть, весь город, по сути, эвакуирован?

С. ШЕСТАКОВ: Да, да. Причем людям говорили, что вы уезжаете всего на три дня, берите только документы и какие-то самые-самые необходимые вещи. А потом оказалось, что уже и навсегда. И потом люди возвращались, кто-то за каким-то своим скарбом...

К. ЛАРИНА: Сейчас там никого нету, никто не живет?

С. ШЕСТАКОВ: В Припяти – никто. Вот в Чернобыле живет порядка двух или трех тысяч человек, вот те люди, которые строят саркофаг второй.

К. ЛАРИНА: А вот рядом с городом? Вот все вот эти... где жили в основном люди пожилые, которые не пожелали оттуда уехать после катастрофы? Там есть такие семьи?

С. ШЕСТАКОВ: Вот точных данных сейчас нету, но вот по оценкам где-то порядка трехсот человек проживает. Их называют «самоселы». То есть, это те люди, которые вернулись вот в эту зону...

К. ЛАРИНА: Самостоятельно.

С. ШЕСТАКОВ: Да, они живут вот в этой вот зоне между тридцатью километрами и десятью, в сельской местности. Причем они возвращались неоднократно, их пытались как-то все время оттуда выгнать, так скажем, да? Но потом смирились, сказали: «Подписывайте документы и...»

К. ЛАРИНА: В смысле, документы, что они?..

С. ШЕСТАКОВ: Ну, что ответственность берут на себя, да. Вот они там живут, занимаются сельским хозяйством. Раз в неделю в деревню приезжает автолавка, привозит самое необходимое: там, хлеб, молоко.

К. ЛАРИНА: А что за люди? Это в основном пожилые какие-нибудь люди, да, пенсионеры?

С. ШЕСТАКОВ: Да, да. Ну, по крайней мере те, с кем я общался, это люди все, там, за 70 или около 70 лет.

К. ЛАРИНА: Ну, вот вы с ними разговаривали, они понимают, что это опасно? Или для них это уже не имеет никакого значения?

С. ШЕСТАКОВ: Ну, наверно, как бы все понимают, что это опасно. Но радиация опасна-то чем? Что ты ее не чувствуешь. Ты можешь сидеть и смотреть на голубое небо, рядом будет в гнезде аист, например, а при этом радиация тебя убивает. Ну, они говорят так, что мы ее не чувствуем, ну, и, следственно, не боимся. Хотя, конечно, все понимают, что она есть. Вот если говорить вообще про радиационный фон, то в целом он в норме, вот. Но хотя в отдельных местах, и особенно вот, допустим, это в Припяти или рядом с саркофагом существующим, он повышен до сих пор. То есть, я вот был в одном месте, называется Рыжий лес, там в 150, по-моему, где-то в 150-200 раз выше нормы. Представляете? Это прошло уже 25 лет. Что там было как бы в момент аварии?

К. ЛАРИНА: А последствия радиации, они в чем вот выражаются зрительно, как это можно увидеть?

С. ШЕСТАКОВ: Ну, вот если говорить про этот лес, вот он называется почему «Рыжий»? Потому что он мгновенно, ну, за несколько часов весь из зеленого стал рыжим.

К. ЛАРИНА: Как человек, который поседел мгновенно, да?

С. ШЕСТАКОВ: Да, наверное, да, правильная аналогия. Как-то так, наверное.

К. ЛАРИНА: Стас, ну, расскажи о своих впечатлениях, чтобы понять... потому что мы фотографии не можем по радио показать. Какие-то основные вот вещи, которые тебя больше всего поразили.

С. АНИСИМОВ: Да, вот меня как раз таки поразила та фотография с кошками, да? Потому что вот идешь и смотришь, смотришь: сначала, ну, разрушения, разрушенные больницы, повсюду, везде... ну, запустение. И вдруг кошки, выглядывающие из-за занавески, да?

К. ЛАРИНА: Какие-то живые существа.

С. АНИСИМОВ: Да. Поворачиваешься и смотришь: там действительно сидит бабушка, которая, если не ошибаюсь, у нее грибы, да?

С. ШЕСТАКОВ: Совершенно верно. Сушеные.

С. АНИСИМОВ: Да, сушеные грибы, и, в общем...

С. ШЕСТАКОВ: Целая корзинка.

С. АНИСИМОВ: Да. Вы этот вот уголок такой вот с этой жизнью... и действительно начинаешь думать уже о том, что, может, это... что вот людям уже все равно и что они... и даже вот и к такому можно приспособиться. Потому что, конечно, когда и фильмы, вот те, которые показывают... это очень, скажем так, суровые кадры...

К. ЛАРИНА: А это фильмы тоже Сергея, да?

С. ШЕСТАКОВ: Нет, нет.

К. ЛАРИНА: Нет?

С. ШЕСТАКОВ: Это фильмы, которые были сняты в первые три месяца после аварии. И

вот еще тоже такой факт, что больше половины съемочной группы уже людей, вот которые снимали этот фильм...

К. ЛАРИНА: Нет в живых.

С. ШЕСТАКОВ: ... уже нет в живых, да.

К. ЛАРИНА: Ну, вот про кино мы тогда поговорим подробнее после новостей. Сейчас новости, потом продолжим.

НОВОСТИ

К. ЛАРИНА: Продолжаем программу «Музейные палаты». Напомню, что сегодня мы с вами находимся в Мультимедиа Арт Музее, где проходит выставка «Чернобыль. 25 лет спустя». И один из участников этого проекта Сергей Шестаков, фотограф, его экспозиция называется «Поездка в будущее». В студии ведущие программы Ксения Ларина и Стас Анисимов. Мы остановились на кино, поскольку понимаем, да, что там не только фотографии, но есть и документальные кадры. Может быть, Сергей нам расскажет об авторах, кто вообще это делал. Это как бы одни из первых... одна из первых съемок, наверное, да, как вы сказали?

С. ШЕСТАКОВ: Это два фильма, документальных фильма, которые были сняты в первые месяцы после аварии. И, наверно, тем они ценны и тем больше впечатления они производят на зрителей, потому что ты понимаешь, как это все происходило. Ты, конечно, когда смотришь эти документальные фильмы, становится действительно реально страшно, потому что люди, те, которые ликвидировали, так скажем, эту аварию – это просто... вот я считаю, что это просто герои. Потому что они, рискуя собой, своей жизнью, спасали всех остальных.

К. ЛАРИНА: А вы с кем-то общаетесь из тех, кто сегодня жив из ликвидаторов?

С. ШЕСТАКОВ: Да, вот я дружу с человеком, его зовут Олег, фамилия его Генрих, он был оператором соседнего блока вот именно в ту ночь, когда это все и случилось. Причем был... оказался он там случайно, потому что его просто попросил товарищ подменить, потому что уезжал на свадьбу в Ленинград. И вот он оказался в этой смене. Он получил дозу... официально получил дозу больше, чем смертельная. Вот. И, к счастью, остался жив и сейчас возглавляет одно из подразделений вот чернобыльских ликвидаторов.

К. ЛАРИНА: Вот учитывая всю засекреченность этого трагического события, мы помним все прекрасно... ну, Стас не помнит, я-то помню, как это было, как нам ничего не сообщали очень долгое время, пытались представить масштабы... не то что уменьшить, а просто сказать, что там, ну... типа, там, обычная штатная ситуация, ничего страшного не произошло. И как потом вообще мир практически взорвался, когда вдруг поняли масштаб этой катастрофы. Насколько сегодня можно говорить вот о степени правдивости всего того, что мы сегодня знаем? Есть вещи, которые до сих пор не раскрыты? Учитывая, что вы общаетесь практически с очевидцем этой аварии.

С. ШЕСТАКОВ: Есть, такие вещи есть. И вот одна из вещей, которая меня, например, поразила – то, что были закрыты данные, причем закрыты не по просьбе, так скажем, по решению нашего руководства – ну, имеется в виду, страны, да? – а по просьбе МАГАТЭ. То есть, настолько они были... отчет настолько был страшный о последствиях,

что МАГАТЭ настоял на том, чтобы его не публиковали. Вот. Еще одна история, которая тоже меня очень впечатлила – это... ну, считается же, что это человеческий фактор, да? Как бы привел к аварии. И поэтому те люди, которые, ну, руководили станцией и которые были операторами там, они многие потом попали под уголовное преследование. Хотя в 90-х годах их всех реабилитировали. Но сказали официально, всем объявили, что вот такие-такие-то люди виновны, посадили их в тюрьму, да? А потом реабилитировали так, просто получив... люди получили... ну, вдовы, там... потому что некоторые люди даже не дожили до этого момента. Просто получили по письму, письму из Генеральной прокуратуры, что сообщаем, что, значит, ваш муж не виновен. Вот тоже такая вот история.

К. ЛАРИНА: А не отбирали ничего, никакие видеосъемки, фотопленки, когда люди покидали эту зону? Не знаете?

С. ШЕСТАКОВ: Вот я об этом не знаю.

К. ЛАРИНА: Потому что вот ощущение, что... по идее, если так, до такой степени было засекречено все это, так боялись обнаружить подлинные масштабы катастрофы, наверняка же отнимали какие-нибудь видеоматериалы. Но об этом вы не знаете, да?

С. ШЕСТАКОВ: Об этом я не знаю. Я по крайней мере, таких материалов не видел, мне не говорили, что кто-то снимал. Ну, во-первых, надо не забывать, что это был 86-й год. И, конечно, если бы это происходило – тьфу-тьфу, как говорится, да? – не дай бог, сегодня, то, конечно, все бы уже выкладывали в твиттеры, фейсбуки и так далее...

К. ЛАРИНА: Конечно, учитывая, что есть Интернет, невозможно ничего скрыть, да, да...

С. ШЕСТАКОВ: Да. А в то время, представляете, занятие фотографией в то время – это был удел немногих, потому что это была и затратная вещь, и достаточно сложно выполняемая. А уж тем более когда все срочно покидали свое жилье, я думаю, тогда никто особо не задумывался о том, что надо вести какую-то документальную съемку. Поэтому вот кадров, как люди покидают, достаточно мало. И особенно мало тех кадров, видеок кадров и фотоматериалов именно в сам момент аварии, потому что настолько была сильная радиация, что пленка засвеченная была. Снимали сразу момент после аварии, но когда материал отвозили в проявку, оказывалось, что практически ничего не сохранилось, потому что она засвечена была радиацией, которая шла из разрушенного реактора.

К. ЛАРИНА: А вы помните это время? Вы тогда чем занимались?

С. ШЕСТАКОВ: Я тогда был студентом первого курса.

К. ЛАРИНА: Так.

С. ШЕСТАКОВ: И я помню, да, что объявили. Причем это первое объявление, оно же было не 26-го числа сказано, а, там, по-моему, 2-го или 3-го... 3 мая, по-моему, это объявили...

К. ЛАРИНА: Да-да-да-да. После праздников.

С. ШЕСТАКОВ: Да, чтобы не портить настроение народу. И поэтому многие черныбыльцы как бы считают, что дата не 26-го, а 3-го, что именно тот день, когда это

